

Архимандрит Константин Зайцев. Духовное состояние современного мира и Русская Зарубежная Церковь.

Доклад на Архиерейском Соборе РПЦЗ. г. Нью-Йорк. 5/18 октября-1/14 ноября 1959г.

Духовное состояние современного мира являет разительный контраст по сравнению с тем, чем был мир до Великой Войны, до Русской Революции, до падения Русского Православного Царства. Огромны были уже к тому времени успехи «темных сил», но оставалось подпольным их действие по отношению к государственному порядку, носившему еще отчетливые признаки порядка Богоустановленного - пусть расшатанного и даже искаженного, но живого в своей доброй приемственности.

Сейчас не то!

Сейчас в подполье находятся силы добра, а господствует в мире злое начало - пусть и рядится оно льстиво в былые одеяния и общественной, и политической, и государственной, и даже церковной традиции.

Не так уж важно в настоящее время тщательно распознавать облицовку той или иной фракции господствующего Зла, как нет особой надобности исследовать конкретную их взаимозависимость. В былое время, когда говорилось о «темных силах», имелось ввиду масонство, имелись ввиду особые революционные организации. Ныне рамки действия Зла настолько расширились, что удельный вес тех или иных составных элементов широчайшего и разветвленнейшего фронта Зла не поддается измерению, как не поддается исследованию согласованность отдельных частей этого уже открыто действующего многосоставного воинства, получающего охват по-истине вселенский.

Нет, поэтому, достаточных оснований преувеличивать реальное значение даже коммунизма в исходных и привычных его формах, в перспективе дальнейшего развития событий - так далеко зашло овладение Злом исторических образований человечества, привычно воспринимаемых нами, как образования «добрые». Дальнейшее оформление растущих сил Зла не обязательно пойдет по линии дальнейшего успеха коммунизма, в завоевании им мира. Пусть пророческий смысл можно с основанием видеть в изображении пресловутого заседания в Троице-Сергиевом монастыре, под портретом Сталина, на котором, под водительством митр. Николая, объединились и православные, и инославные христиане всех исповеданий, и старообрядцы и сектанты, и евреи, и мусульмане. Это - кривое зеркало, в котором отразилось готовящееся уже сейчас, в формах совершенно благообразных, иногда историей освященных, объединение, не насилием и террором создаваемое, а возникающее путем сговора, совершенно свободного. Это не значит, что коммунизм, сделав свое дело, перейдет в небытие. Это значит, что исполнив свое нарочитое назначение физического истребления и духовного развращения той части человечества, которая была наиболее насыщена исторически сохранившимся «добром», он должен ныне и сам изменять свой облик, чтобы найти себе место-весьма высокое и влиятельное, быть может, даже определяющее - в составе расширившегося до пределов вселенскости многоликого, всю историю человечества, под определенным углом зрения, в себя вбирающего, ареопага Зла.

Теория «сосуществования» в своей изначальной примитивности, при всей своей молодости, успела устареть. Она ныне получает смысл более углубленный. Это не готовность допустить господство Зла в отношении других, в надежде, что этим оно будет отведено от себя. Это уже СОГБЕННОСТЬ пред Злом, приятие его, отказ даже

от того, чтобы считать его Злом. Это уже сдача. По линии военной и политической она рождает такой страх перед разрушением, что парализуется воля к сопротивлению, и мир оказывается отдан на милость «агрессора». Совершается она более наглядно, в своей повседневности, по линии культурной, идейной - даже ЦЕРКОВНОЙ: тут ярче всего обнаруживается прогрессирующая опустошаемость духовная современного человечества.

Трудно поверить, но возникает и укрепляется, право гражданства всесветного приобретает теория, принципиально, даже религиозно оправдывающая то страшное, что являет собою «СОВЕТСКАЯ ЦЕРКОВЬ». Свободный мир воспринимает московскую патриархию, как истинную церковь, закрывая глаза на ее происхождение и на ее бесспорную зависимость от советской власти, причем зависимость эта приравнивается былой зависимости Церкви от Царской власти, изображаемой, как нечто заведомо худшее, чем советчина. Не исключением является при этом признание высоких качеств за советским духовенством - с противупоставлением его, опять таки, духовенству бывшему - не в пользу последнего. Сложнее стал вопрос, когда «советской церковью» стала, или хотя бы на путь такого становления ступила, церковь инославная - все равно, будь то католическая или протестанская. Тут нельзя было отыгаться на исторических аналогиях, безответственно делаемых в отношении чего-то чужого. Мужества не было ни у протестантов, ни у папы разобщиться с пленными, поручив их смотрению Божию, а собственным их долгом почесть одно: задачу освобождения пленников от сатанинского ига. И вот наблюдаем мы, как западные церкви свободные оказываются сообщниками советизации их собратий, под игом советчины изнемогающих. Возникает и соответствующая идеология, оправдывающая уже не внешнее «сосуществование», а органическую, длящуюся, нерасторжимую связь Христа с Велиаром.

Два диаметрально противоположенных умоначертания мы тут наблюдаем. Для одних своего рода огненным крещением является встреча с коммунизмом - пусть он уже не как грубая истребительная сила предстоит, а как грубая же сила, но тщащаяся террором приручить церковников и сделать церковь, в каких то своих функциях попускаемую, коммунизму и формально подчиненной и фактически подконтрольной и послушной. Тут повторяется то, что испытала Россия: светлый путь исповедничества и мученичества открывается для одних. С энтузиазмом передают свои отрадные впечатления вырвавшиеся. Для други - иное. И тут надо различать. Одно дело - не выдержать и пасть: Бог судья таким жертвам беспощадного террора. Для них, во всяком случае, открыт всегда, а в какой-то мере ими уже принят, путь покаяния. То - грех воли. Другое дело - найти оправдание соглашательству и капитуляции, поднять свой ГРЕХ ВОЛИ до уровня чего-то не только законного, но даже одобряемого, чуть не возводимого на исповеднический пьедестал. Это значить сделать свое действие ГРЕХОМ УМА. Недавно вышла книга одного американца, Чарльза Уэст, тесно связанного с экуменизмом и имеющего опыт общения с коммунизмом и в Европе и в Азии. Книга носит название: «Коммунизм и богословы; исследования одной встречи». Книга исходит из того, что налицо встреча двух окончательно сложившихся и в бытие человечества прочно вошедших явлений - христианства и коммунизма- которые, силою вещей должны, так или иначе, быть согласованы. Автор принципиально отвергает самую возможность противупоставлять коммунизм историческому христианству, как Зло, воинствующее против Добра. Два ярких эпизода иллюстрационных, на его психику определяющее подействовавших, приводит он в предисловии. Китайская молодежь, приобщившаяся к христианству - в какой то момент оказывается она пред лицом коммунизма, как власти- покинутая! Германская молодежь студенческая - и она ведь покинута пред лицом всевластного коммунизма. Автор не может пережить это разставание, если

это есть, действительно, разстояние, означающее оставление этой «своей» молодежи на борьбу двух несогласуемых начал. Мысль о том, что их надо освободить - даже не касается его сознания: этой перспективы нет и в помине. Дело, значит, только в чем? Надо открыть им возможность продолжать сознавать себя истинными христианами и в новых принудительных для них условиях, под пятой принятого ими коммунизма. Под этим углом зрения и подвергает он исследованию множественные уже попытки богословски решить эту задачу - эту «встречу», для дальнейшего, уже совместного, бытия, исторического христианства и исторического коммунизма. Дальше идет некто, не решившийся себя назвать и подписавший условными литерами передовую статью в органе Нимеллера «Штимме дер Гемейнде». Достаточно воспроизвести название этой статьи: «Церковь накануне конца своего институционального единства». Приговор изрекается смертный всякой попытке «держаться за Церковь», как за что-то институционально-единое - пред лицом коммунистической власти. Клеймится негодующе всякая попытка поддерживать людей в такой их настроенности. Куда дальше идти?

А между тем логика за этими и подобными предложениями. Одно, ведь, из двух: Или надо БОРОТЬСЯ с коммунизмом, как с проявлением абсолютного зла - и надеяться на Бога, в готовности пострадать за Него. Или надо договориться со Злом, как с твердыней, уже признанной в своей непроступности. Вот эту-то необходимость договариваться свободный мир ныне признал, как нечто бесспорное. Этим и определяется в настоящее время духовное состояние мира. Правда, раздаются порою и несколько иные речи. Это или резонерство, тянущее в своё время взятую, было, ноту, но тянущее её уже по инерции, - безсильной. Или это одинокие голоса истинно-верующих, которым не затыкают рта отчасти в силу той же только что указанной спасительной инерции, а отчасти в силу формальной свободы, еще к счастью, действующей, увы, иногда уже только по инерции...

Картина устрашающая. Как и когда завоеует коммунизм свободный мир, в его уже духовной незащитности, мы не знаем. Не знаем мы - завоеует ли коммунизм его вообще! Не потому это, что он сам будет свободным миром побежден, а лишь потому, что коммунизму не надо будет ТАКОЙ мир уже и завоевывать: он и так у Сатаны окажется в кармане.

Возвращаемся мы к главной теме. Не в том сейчас дело, о чем, не так давно, только и можно было говорить, как о реальной угрозе, а именно: дело уже не в распространении власти Красной Москвы на весь мир; дело уже не во всесветной победе коммунистического Интернационала. В прошлом уже эта угроза - за ненадобностью ее. Это значит, что коммунизм, как таковой, не будет добиваться и не будет достигать, как государственная сила, территориальных достижений и что он не будет, как подпольная организация, как «партия», как общественная сила с прежней настойчивостью вести завладение, консперативными и открытыми путями, свободными еще странами всех континентов. Это значит лишь одно: процесс роста Зла в мире далеко обогнал специфически-коммунистическую агрессию.

Процесс этот идет со скоростью невероятной и в самых разных формах, трудно даже обозримых, ибо охватывающих всю вселенную - в том составе и ту, которая находится под коммунистической пятой. Меняется режим в Советской России. Еще большим изменениям, с точки зрения ортодоксальной коммунистической линии, подвергаются режимы сателлитов. Не говорим о Китае. В отношении коммунистического мира можно наблюдать не только разные моменты одной и той же смертельной болезни, в разных стадиях в разных местах протекающей, но и разные формы этой болезни - тем более опасные, чем более напоминают они своей видимостью выздоровление. А свободный мир? Азия, Африка? Под видимостью

«национального» пробуждения - что на самом деле происходит? Под видимостью «религиозного» возрождения - что, в действительности, имеется? Одно ясно. Исторические формы христианства на той периферии западного мира, христианского «земного круга», отмирают. Если коммунизм нередко и отвергается, то во имя идеалов, от истинного христианства достаточно далеких. А это самое историческое христианство - надо ли здесь и сейчас даже упоминать о том, какие процессы наглядно для всех нас протекают в нем! Уравниловка обще-христианская идет полным ходом - упираясь в чаяние «чуда», в котором утопает всякая, самая элементарная, трезвость и рассудительность. Дух антихристов утверждается победоносно, и вот в это новом «климате» и устаревает ортодоксальный коммунизм да и вообще теряют свое индивидуальное значение все «темные силы». Открыто строится антихристово здание - и делается это, намеренно-лживо, по знаменам былыми: подмена то, фальсификация, которая полным ходом идет во всех возможных направлениях. Приспособляется к этому процессу и коммунизм, в своей звериной отвратительности, намеренно прикрываемой, уже устаревший.

Показательна судьба и нашей эмиграции. В значительной своей части она просто засасывается жизнью, независимо от ориентации. Это не смена веков, а погрязание в тину самой пошлой обывательщины - нечто непредставимое для бывшего русского общества. Люди превращаются в человекообразных. Знамение то времени, ибо едва ли можно объяснить это обезличение свободного русского человека вне учета общего «климата» Отступления. Но и поскольку эмигранты остаются «гражданами», т.е. ощущают себя участниками русской общественно-политической жизни, линияют они в другом смысле. Оказываются и они втянутыми в русло соглашательства со Злом, приспособления к нему, оправдания его. Далеко ли идти за примерами? Радикально изменилась физиономия «Часового», заслуженного органа белого офицерства - и это без всякой яркой общественной реакции против этой достаточно наглядной метаморфозы. Близкую судьбу испытывает «Наша Страна», при всех изъянах одно время являвшая все же оплот идейного неприятия коммунизма: соскользнула и она на путь «дискусий» на эту, казалось бы, бесспорную для белого эмигранта тему. Устрашающий пример духовной демобилизации явил бюллетень, недавно разосланный канцелярией В. Кн. Владимира Кирилловича, сопровождаемый даже его личным обращением, заключающим утверждения того же порядка.

Крошится, осыпается политическая эмиграция. Способна ли будет держаться и церковная эмиграция - хотя бы в том скромном количественном составе, который имеется сейчас? Не слишком ли велики и для нее соблазны? Поддержка требуется, решительная и твердая - и тяжкая ответственность легла бы на ведущие круги Церкви, если бы, не услышав голоса властного, паства оказалась во власти сомнений относительно даже того - как же мыслит Церковь, как оценивает наша иерархия, Церковь представляющая, все то, что ныне требует от каждого верующего ответственной оценки и перед чем останавливается он часто и в нерешительном, тягостном, тоскливом раздумье.

Один умный немец еще до Великой Войны ставил вопрос - чем отличается акт религиозный от всякого иного акта, и ответил так: во всех актах не религиозных человек должен размышлять, почему именно он так, а не как-нибудь иначе должен поступать, а в актах религиозных он поступает так, а не иначе, потому, что он не может иначе поступать. Немецкий социолог формально прав. Голос веры непререкаем. Есть ли вера - вот в чем вопрос. Если она есть - Христос все тот же и все того же требует, и то историческое христианство, в котором мы прибываем, остается непреложной Истиной. Если мы в Церкви, то Она все на том же стоит - преемственно. Пусть весь мир наглядно уходит сейчас от Христа - разве могло быть иначе, раз Удерживающего нет больше в мире? Или нам отречься от о. Иоанна

Кронштадтского, от оптинских старцев, от Затворника Вышенского, от митрополита Филарета Московского- а через их головы и от Святых Отцев, и отменить вековое учение Церкви, согласившись на то . что Третий Рим- красивая мечта, которой ублажали себя наши предки, в существе же своем нечто не так далекое от того, что являет собою и современная Москва? Да не будет!

И не будем думать, что ход истории фаталистически определен и что мы в плане ее уже отработанный пар - чудаки, находящие в разговорах о Страшном Суде утешение в своей отчужденности от живущего общей жизнью и творящего Историю человечества. Опыт исторический учит, что «невероятность»- ни в направлении отрицательном, ни в направлении положительном - не является критерием возможности и невозможности. Кто мог предвидеть русский большевизм? Кто мог предвидеть Хитлера? Французская Революция была пустяком по сравнению с нашей, но положение сторонников Реставрации того времени недалеко ушло от положения нас, как сторонников Реставрации. И, однако, Реставрация произошла. Тут подходим мы к другой теме, уже лишенной оптимистической окраски. Это вопрос о том, что происходит в тайниках человеческих душ. Вот где решается судьба человечества. Жив ли Бог в сердцах людей? Жив ли Он в сердцах РУССКИХ людей? Не будем соблазняться наглядными успехами религиозности, советской властью попускаемыми - это, скорее, грозный призрак возможности того, что и Россия соскальзывает на путь прочного идейно-принятого сосуществования со Злом, общий отступающему миру. Тогда, действительно, неизбежен конец. Но не сказала еще последняго слова Россия. Если есть еще русский народ, заслуживающий имени Богоносца, то не только возможны самые невероятные неожиданности,- неотвратимы оне. Вся Русская история - невероятна. Вся она прошла под знаком чуда. Ждать чуда на путях Отступления - страшно. Ждать его на путях верности Христу - законно. Только не в порядке экзальтированных заклинаний или отвлеченного мечтательства, а на путях исповедничества, которое одно только и открывает возможность чуда. Только действенная ВЕРА рождает ЧУДО. Есть ли она? К этому вопросу мы неизменно возвращаемся. Решать его мы можем только в отношении самих себя. В неповрежденной апостольской истинной, победившей мир, Вере утверждаться и в ней колеблющихся утверждать - вот единственное, что может от нас ждать Господь и что является должным ответом на духовное состояние современного мира. Грозность этого состояния нельзя ни замалчивать, ни затушевывать- трезво надо оценивать то, что при таком состоянии мира мы не можем не быть одиноки. Только теснее сплотиться должны мы вокруг наших духовных вождей, какими неизменно являются о. Иоанн Кронштадтский и Царь Мученик. Чем отчетливее и смелее станем мы под их покров, в полном сознании греха Революции и нашего покаянного долга перед Богом и людьми, пред Россией и нами самими, убежденно зовя под этот покров и всех не утративших жажды спасения - тем лучше послужим мы нашей Церкви, нашему народу, делу общего нашего спасения. Мы на рубеже великих событий. Может ли долго длиться состояние неустойчивого равновесия, ныне наблюдаемое? Не последние ли сроки истекают, когда спрашивает еще Господь Русский народ- Второй Израиль: со Мною ли ты? Возвращается ли блудный сын со страны далече в Отчий Дом? Каждый самый малый толчок может быть судьбоносным. Если от копеечной свечи сгорела Москва, то от ничтожного уголька разве не молжет возгореться пламя, очищающее покаянно Россию от насевшего на неё Зла? Только бы нам не погрешить перед Богом, выведшим нас прмыслительно на свободу. Долго ли будет то - не знаем мы, но сейчас можем мы еще сказать все, что вложит в уста наши Вера- сказать громогласно, на все страны света!

Что такое наша Зарубежная Церковь? «Сила Божия в немощи совершается». Все домостроительство Божие - в немощи совершается.

Крошечна Палестина, и крошечен обособившийся в ней народец. А это центр мироздания, ключ истории вселенной. Да и вся Земля наша - не песчинка ли в громаде все шире раскрывающейся в своей безбрежности вселенной? Вот гигантская оправа христианского самосознания немощи, раждающей духовную мощь. Напротив, обезсиливает дух сознание силы - и только падения, Богом попускаемые, способны обновить дыхание Духа.

Эти мысли помогут нам понять, что являет собою Зарубежная Церковь в составе современного мира. Что представляет она собою в его глазах? Дотлевающий уголек Историей уже засыпанного костра. На карте церковного мира ее и не найдешь, и на столбцах мировой прессы о ней не прочтешь. Доживает она свой век, укладывая свое угасающее бытие в рамки дозволенного. В плане будущего нас нет.

Строит будущее «экуменизм», превращая разсыпанную храмину протестантизма во вселенскую организацию, готовящуюся обнять все мировое христианство. Строит будущее Рим, ныне в образе Вселенского Собора раскрывая объятия тоже для всего христианства. Торжествуяще входит в мир как ведущая сила, Московская Патриархия, облакающая Красный Кремль в ризы Третьяго Рима и ставящая своей задачей вселенскость «христианскую» свободного мира сочетать и во едино свести с вселенскостью коммунистической Москвы. Зачинается и внецерковная вселенскость, организуя во-едино гражданские власти мира.

Где мы пред лицом этой ныне творимой сверхновой Истории?

Нас - нет!

Посмотрим теперь на все это очами Духа. «Нас - нет!»

-Что это значит? Кого это «нас» нет?

Нет Исторической России. Была она непобедимо сильна, пока жила сознанием своей во Христе немощи - ею держался мир. Увлеченная им, окрылилась она сознанием своей мощи - и оставил её Господь. И вот - нет ее! Что это значит? Это значит, что кончилась История, ведомая Промыслом Божиим на том ее благодатном отрезке, когда связан был Сатана - силою Удерживающего. Это значит, что началась попускаемая Богом безблагодатная самоорганизация, овладеваемого освободившимся Сатаной, человечества, - навстречу грядущему Антихристу.

Да! России нет. То, что от нее осталось в пределах нашего отечества, безгласно изнемогает в тисках богоборческой власти. Только злая воля мировой общественности позволяет знак равенства ставить между нечестивым СССР и Богоспасаемой Россией. От России Исторической осталась одна лишь Церковь. Загнанная в подполье, успела Она, однако, печать анафемы наложить на Советскую власть - и неотменим этот Божий приговор, изреченный патр. Тихоном и подтвержденный Московским Собором. Успел Собор сделать и иное. Понимая, что для соборной жизни нет места под большевиками, он установил особый порядок патриаршего преемства - по списку лиц, последовательно замещающих друг друга, поскольку кто утрачивает возможность осуществлять патриаршую власть. Так управлялась Церковь после кончины патр. Тихона. Предавший Церковь митр. Сергий воспользовался своим положением очередного заместителя, чтобы «законно» требовать от подвластных ему подчинения Советской власти. Милостью Божией эта «законность» и формально была самими большевиками упразднена. Милостью

Божией даже зрима оказалась вынесенная большевиками за Железный Занавес картина «собора», на котором выбран был, в присутствии агента Советской власти, патриарх - возглавивший уже и формально на-ново возникшую «Советскую Церковь».

Только ли в подполье ныне истинная Церковь? Нет, к счастью возникла, вызванная к жизни особым предписанием патр. Тихона, Заграничная Церковь. Наивно старание сделать это распоряжение законной основой позднейших попыток самочинного самоустроения. Указ Патриарха имел ввиду в какой то определенный, и уж, конечно, неповторимый момент канонически узаконить оказавшуюся свободной от советского гнета и промыслительно оторванную от плененного Патриархата часть Русской Церкви, сделав для всех безспорным преемство этой части Церкви от Церкви-Матери.

Надо ли говорить, сколь велико стало после страшного превращения Московской патриархии послушание Заграничной Церкви. Она «блюдет место» Русской Поместной Церкви, являясь, вместе с тем, отпрыском «Тихоновской» Церкви, осененной сиянием русского новомученичества. Она «блюдет место» и России, являя собою то единственное, что, наглядно и безспорно для всего мира, осталось преемственно связанным с Исторической Россией.

Соблазном не только пред внешнем миром, но и пред русским сознанием стоит нечестивый СССР, лукаво облакающийся в великодержавную мощь удушаемой им России, а к тому же еще и рядящийся в светлые ризы Православия, услужливо простираемые над ним Московским Патриархом. Усугубляется этот соблазн безмерно атмосферой Отступления, в которой ныне живет свободный мир. Нечто новое переживает он.

Вошло в мир Отступление вот уже 900 лет- с латинской схизмой. В своем дальнейшем развитии оно принимало формы все большей отчужденности от истинного христианства, а под конец стало и открыто ему враждебным. Так дошло оно до воинствующего безбожия, воцарившегося в Москве. Сейчас Отступление входит в новую фазу. Исторический католицизм и исторический протестантизм сохраняли в себе что-то от истинного христианства. Ныне не о нем думают вожди католицизма и протестантизма, а о сближении со своими собратиями по Отступлению, причем расширяют их состав и за счет тех, кто уже с истинным христианством порвали всякую связь, или даже в борьбу с ним открытую вступили. В этом сложном множестве, ныне стремящемся уже к организационному единству, нашло место и Православие - и это в двух формах. Это, с одной стороны, наш зарубежный «модернизм» (духовно родственной обновленчеству, живоцерковничеству - тож, сыгравшему такую печальную роль в подъяремной России). Это, с другой стороны, Советская Церковь, склонная иногда рядиться, напротив того, в строгие формы церковного консерватизма. Так зреет объединение всех составных элементов Отступления, знаменуя нечто предельно грозное, лицом обращенное к грядущему Антихристу, не в отдаленных перспективах рисуящемуся, а уже готовому себя явить конкретно.

Вот перед чем стоим мы, Зарубежная Церковь, в своей во Христе немощи!

Одиноки ли мы? Не дерзнем этого сказать. Не могут не быть «верные» везде в христианстве. Есть протестанты, которые открыто обличают экуменизм, как торжество Апостазии. Несомненно, имеются, пусть и молчат они, католики, которые живут исконным латинским благочестием и только в силу дисциплины претерпевают пагубную политику Ватикана. Могут быть носители истинного служения Богу и в

недрах официальной Московской Церкви, слезами горячего покаяния омывающие свое пребывание в ней- то тайны, одному Богу ведомые. Есть и другое. Тянутся в растущем инстинкте духовного самосохранения и католики и протестанты к Православию, тянутся к нему все о спасении помышляющие и видящие, как теряется возможность того в привычном окружении. Не говорим уже о том, как горяча должна быть тяга к истинной Церкви в широких массах подъеремной России.

«Незримое»! Если есть надежда на отсрочку Страшного Суда, то на «незримое» опирается она. Творится потаенно подлинная История- независимо от того, как торжествующе-демонстративно разрушают ее мобилизующияся силы Отступления. В «незримом» таится возможность спасительной катастрофы, способной изменить картину мира.

Эту возможность мы не только можем отвлеченно учитывать: мы обязаны на нее работать, в этом видя послушание свободы, во имя которого вывел нас Господь из советского рабства.

Окружающий нас мир свободно уходит от Христа, привлекая и нас к совместности этого Отступления. Но формальная свобода живет, открывая нам возможность идейной борьбы, самоутверждения в нашей неповрежденной церковности, открытого исповедания Истинной Веры, явления своего лица в жизни общественной, а тем более частной, семейной. Один Господь знает, как далеко простирается резонанс нашего открытого во Христе бытия. Растут добрые в этом смысле шансы поскольку, в своем свободном Отступлении, все теснее переплетается культурная и политическая жизнь свободного мира с советчиной.

Будем же бояться, как огня, духовного сближения с окружающими нас течениями. Естественно раждаться порою в душах наших некоему недомоганию, некой обеспокоенности: не слепотой ли нашей вызывается наша отчужденность, и не пора ли и нам в потайной ящик дорогих «сувениров» отложить «мечты»- в «реальной» жизни приобщаясь к общим ее течениям? Так возникает у нас нетвердость поступи - в поддакивании там, где, по меньшей мере, диктуется молчание, в поползновении открыто выступить там, где, по меньшей мере, рекомендуется осторожное уклонение, в ожидании начальственных директив там, где достаточно указаний собственной совести. Единственный способ не поддаваться этим соблазнам, это - укрепляться в своей церковности. Больше всего бояться надо двусмысленности в вопросе духовного подданства. Православие не отвлеченная истина: принадлежность к нему есть принадлежность к Истинной Церкви, исторически явленной и хранимой в своей непорочной преемственности.

Мы верны своей Церкви, святую преемственность сохранившей - этим все сказано и этим все дано. Спокойно-радостно можем мы пребывать в своем церковном делании. Соблюдена нами «верность»- что громадное достижение. Обезпечено нам большее: в наш растленный век соблюдены мы в духовном целомудрии, в этом высшем благе, которое только может быть мыслимо на земле. Вот отчего оказываемся мы в разных плоскостях с окружающим нас миром. Не мы от него уходим, а он уходит от Христа, Которому мы тщимся остаться верными! Торопливости не проявляем мы: не рвем с близкими нам церковными единицами, если есть малейшая возможность смотреть на них, как на находящихся как бы на весу, не сказавших еще последяго слова. Но не боимся мы обособленности. В сгущающихся потемках всеобщего Отступления противопоставляем мы ему безумие Креста, осуществляемое в нашей верности Зарубежной Церкви. Эту верность мы противопоставляем всякому соглашательству с Москвой, всякой солидаризации с церковными силами свободного мира, на путь Отступления ставшими.

Да не ослабеет мы в бдительности. Нечто предельно страшное происходит и с нами и вокруг нас. Разумеет мы не земные угрозы и страхования, ныне безмерно растущие. Разумеет мы иное. Во всех бедах и скорбях, во всех соблазнах и искушениях, во всех земных успехах и мирских достижениях, ныне Господом попускаемых и ниспосылаемых, некий опрос и отбор совершается. К каждому подходит Господь - и вопрошает: с кем ты - с ним или со Мною?

С ним - ответила Московская Патриархия - и мы бежим от нее, зная, что все от нее исходящее есть лукавая и губительная ложь. Этот ответ - «с ним!» - звучит и в свободном мире со всех сторон и в самых разных формах, почему мы и бежим, укрываясь в святое убежище нашей Зарубежной Церкви. Но не вправе мы наглухо укрываться от мира в этом убежище. Из глубины своей немощи, в сознании долга наследников и преемников «тихоновского» подвига, за весь мир подъятого безгласной ныне Русской Церковью, обращаем мы на все четыре стороны еще в свободе дышащего христианского мира свой призывной вопль:

- Где вы, христороубцы, готовые на вопрос: «с кем ты?» - ответить ясно и твердо: «С Тобою, Господи!» Где вы, те, кто способны самому близкому и родному существу на все его самые разумные доводы в пользу широкого пути ответить словами Христа только что взысканному Им похвалой ученику: «Отойди от Меня, сатана, ты Мне соблазн»?

Пусть мало до кого дойдет этот вопль - будет свидетельствовать эта переключка общности всех нас, тщащихся в своей во Христе немощи не посрамить высокого звания «последних христиан». Что мы можем предложить «верным»? Только одно: ждать! Чего? Не будем напрягать свои помыслы, предваряя будущее, если пойдет оно по путям эсхатологическим; явится оно приложением к жизни Откровения Иоаннова. Не будем мечтательно рисовать себе и ту спасительную катастрофу, которая способна продлить жизнь мира - хотя бы на Иоановские «полчаса», в плане земной жизни означающие отрезок исторической жизни неопределенной длительности. Здесь, в этих земных перспективах, только одно для нас важно: уверенность полная в том, что Россия тут должна сказать последнее слово.

В недрах русского сознания - ключ будущего - земного. Разве не благовестием должно для нас звучать понимание этого нами? Ведь, если это так, то наше стояние в Истине есть не только спасение наших душ в верности своей Церкви, но и служение Родине. И тогда с особенной силой принимает свой подлинный смысл слово ждать. То не пассивное выжидание, а воинская выдержка.

Представим себе осажденную крепость. Плотным кольцом окружена она. Спасения ждать не откуда. Силы изнемогают. Безднадежность. А тут - предложения сдачи, самые выгодные и почетные, и угрозы, самые страшные. Как быть? Трезвый расчет скажет: окажем мужественное сопротивление до последнего разумного предела - а там оправдана будет и сдача. Воинский дух ничего не скажет. Им окрыленные умрут на своем посту, готовясь молитвой, постом и покаянием к сретению Христа. Верностью исчерпывался воинский долг нашего Христороубивого воинства - не давая места никаким расчетам и исключая всякую возможность сдачи.

Так призваны воинствовать и мы в составе Церкви, которая никогда в такой мере не оправдывала своего наименования воинствующей. Имеет ли какое значение то, что большинство из нас, милостью Божией, окружены довольством? Нет, Подвиг приобретает новые формы - столь трудные в атмосфере затягивающего земного благополучия. Легко стать дезертирами, или хотя бы пораженцами глубокого тыла, думающим о «фронте», как о чем-то чужом, далеком и отталкивающим. Да не

постигнет нас эта постыдная судьба. В страхе пред ней взываем мы к Вам, чадам Зарубежной Церкви:

- Несите подвиг церковности, не давая ослабевать Вашим духовным мускулам. Будьте активными участниками приходской жизни - не в смысле демократического соревнования в управлении им, а в смысле служения храму и его нуждам, а равно и нуждам общехристианским, чрез приход удовлетворяемым. Будьте хранителями нашего святого быта, утверждая его в своей домашней жизни и ревниво ограждая домашнюю церковь от затопления ее чуждыми стихиями. Нарочито заботьтесь о домашнем уюте, в его святой отчужденности от улицы, от внешних влияний и впечатлений. Приучайте и себя и своих детей, а равно и друзей своих, видеть в доме Вашем убежище от суеты и приобщение к живому прошлому, в своей святине в нас живущему - ведь будущее наше земное только в нем! Воинствуйте в защите детей Ваших, делая их соратниками, приучая их к самозащите духовной - сознательной и осмысленной. Не ограничивайтесь баловством, в нем во зло употребляя самую любовь Вашу, как не дерзайте отчуждаться от детей своих - чем бы Вы это ни могли оправдывать. Духовно обособляясь и не скрывая этого, ибо имеете Вы право оставаться самими собою, уважение вызывайте к себе духовно-культурной стойкостью, - но не чуждайтесь местной жизни. То особый план - законный, раз Вы на чужой земле. Участвуя активно в зарубежной общественной жизни, соответственно окрашенной - не в смысле шума и тщеславного соперничества, а в целях оправдания делом нашего именованья «Зарубежной Русью» - не уклоняйтесь от посильного и разсудительного участия в жизни страны, Вас приютившей. Успевайте на выбранных Вами поприщах, лояльно несите упавшие на Вас гражданские обязанности. Благодарностью и любовью, преданностью и всемерным сочувствием ко всему доброму платите за блага жизни, Вами обретаемые на новой почве. Превыше всего цените свободу, Вам предоставленную - безценное благо, во спасение ваших душ Вам Богом дарованное. Помня это, не забывайте, что и в благобыте неуклонно стоит перед вами вопрос Господа: - с кем ты, с ним, или со Мною?

Все может измениться в любой момент. Почва горит под ногами. Где раньше, где позже вырвется огонь - один Господь знает. Но вне резких внешних изменений в любой момент и везде наша верность Зарубежной Церкви может потребовать жертвенности, исповедничества, в конечно итоге мученичества... Будем готовы ко всему. Будем готовы к тому, что и нас может ждать, в тех или иных формах, подполье... Но сейчас зовет нас Господь к жизни и деятельности на стогнах свободного мира, на которые Он нас вывел, - с именем Христа на устах, во славу истинного Бога, в верности истинной Церкви. Если оживет Христос в душах нашего народа - Богоносца по своему историческому призванию, - то на этой еще земле возсияет на верху горы Свет Христов. Только бы не угас он в душах наших!

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» - этот святой завет остается неизменно для нас руководящим. Будем окрыляться им и в моменты беспечности и моменты уныния - вновь и вновь обретая силы для воинской выдержки в несении нашего послушания свободы: подвига жизни в Зарубежной Церкви, блюдущей среди человечества, свободно уходящего от Христа, место Святой Руси. Пусть ослепленное человечество не видит маяка, нами в свободной вселенной воплощаемого, - только он обозначает путь к спасению. С нами все святые в земле Русской просиявшие. С нами новомученики. С нами два светоча великих, два великих прдстателя пред Престолом Божиим: батюшка о. Иоанн Кронштадтский и Царь-Мученик с царственной семьей. По истине - с нами Бог!

**Архимандрит Константин
(Зайцев Кирилл Иосифович)
(1887 - 1975)**

Родился 28 марта 1887 г. в Санкт-Петербурге. Окончил экономическое отделение Петербургского политехнического института и юридический факультет Петербургского университета. Был оставлен для подготовки к ученому званию. После поражения Белой Армии - в эмиграции. Приват-доцент русского юридического факультета в Праге. Профессор политической экономии в Харбине (1936-1938). Ранние работы опубликованы под фамилией К. И. Зайцев. Принял священство в 1945 году. служил в Пекине и Шанхае. После второй мировой войны переехал в США. Пострижен в монашество в Свято-Троицком монастыре в г. Джорданвилль (США) в 1949 г. Архимандрит (1954). Профессор пастырского богословия и русской литературы в Свято-Троицкой семинарии. Член редакционной комиссии Свято-Троицкого монастыря (упом. в 1955 г.). Редактор периодического издания РПЦЗ "Православная Русь" (упом. в 1955 г.). Скончался 26 ноября 1975 г. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в г. Джорданвилль (США).

Библиография (книги):

Лекции по административному праву. - Прага, 1923.

Das Recht Sowjet Russlands. - Tubingen, 1925.

И. А. Бунин. - Берлин, 1934.

Food Supplies During the World War. - New Haven, 1933.

Профессор - крестоносец (Болдырев). - Харбин, 1936. 46 с. (о Д. В. Болдыреве).

Основы этики: В 2 томах. - Харбин. 1937-1938.

Святой Серафим Саровский и пути России. - Владимирова, 1939.

Материалы к изучению Святой Руси. Владимирова, 1940. Православная

Церковь в советской России. - Шанхай, 1947. 206 с.

Памяти последнего царя. - Шанхай, 1948.

К познанию православия. - Шанхай, 1948. 215 с.

Оглашенные изыдите. - Шанхай, 1948. 47 с.

Киевская Русь. - Шанхай, 1949. 220 с.

Памяти последнего патриарха. - Джорданвилль, 1949.

Православный человек. - Мюнхен, 1950.

Черты личности митрополита Филарета. - Джорданвилль, 1958. 31 с.

Пастырское богословие: В 2 томах. - Джорданвилль, 1960-1961. 207 и 285 с.

Духовный лик отца Иоанна Кронштадского. - Джорданвилль, 1964 (Английский перевод).

Лекции по истории русской словесности: В 2 томах. - Джорданвилль, 1967-1968.

Чудо русской истории. - Джорданвилль, 1970 (2-е издание - М.: НТЦ Форум, 2000. 863 с.).

Время святителя Тихона. -М.: Издательство святителя Игнатия Ставропольского, 1996. 189 с.